



У книги издательской программы Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти непростая судьба. За каждой из них стоят удивительные люди.

О трагической судьбе Ольги Михайловны Раницкой и ее «книжечке» из Карлага — рисованном лагерном дневнике — мы узнали благодаря многолетнему журналистскому расследованию Зои Ерошок. Впоследствии общими усилиями с «Новой газетой» родилась наша первая книга «Метео-чертик. Труды и дни». На коротенькие, но совершенно гениальные, афористичные рассказы Леонида Городина о лесоповале и строительстве железной дороги на Воркуте я случайно наткнулся в социальных сетях у Александра Веселова, его бабушка была дружна с Леонидом Моисеевичем. В это же время о необходимости публикации этих же рассказов и фотографиями из личного архива. И теперь в нашей издательской программе есть книга Леонида Городина «Одноэтапники. Невыдуманные рассказы». Готовим к печати и «Словарь Городина».

«Фантастическим человеком» называл ленинградского книжного художника-графика Бориса Генриховича Крейцера Анатолий Разумов — руководитель центра «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке. Крейцер, чудом избежавший расстрела и осужденный на 8 лет лагерей, стал героем его исследования, а потом и героем нашей книги — «Папка с эскизами. Ухожу с чемоданами, полными книг». О необходимости издания книги Ирины Ратушинской «Серый — цвет надежды» мы много говорили с Натальей Дмитриевной Солженицыной.

Книга Павла Овчаренко «Горечь», которую вы сейчас держите в руках, — наш совместный проект с Сахаровским центром. У нее тоже удивительная судьба. Это редкий образец «самиздата», выживший и дошедший до нас. Наталья Самовер, специалист Музея Сахаровского центра, рассказала о книге и своей долгой и кропотливой работе над ней на научно-практическом семинаре, который ежегодно вместе с Музеем истории ГУЛАГа устраивает Ассоциация российских музеев памяти. Ее доклад назывался «Из опыта подготовки публикации свидетельств о ГУЛАГе». Получилось, что у нас очень много точек пересечений, и эта встреча судьбоносна — раз книга уже готова, то публикация необходима.

В своей книге Павел Овчаренко, простой советский парень, краснофлотец, узник ГУЛАГа, «прошедший десять лагерей — от Хабаровска до Чукотки», достаточно подробно рассказывает о Приморском районе Дальстроя и пересыльном лагере в Находке, где ему довелось побывать. Если о Приморском районе исследователи знают по крайне небольшому количеству архивных документов, то о пересылке в Находке известно лишь по немногочисленным воспоминаниям, одним из которых является «Горечь».

Также Павел Овчаренко был свидетелем крупнейшей катастрофы того времени — взрыва парохода «Дальстрой» в бухте Находка, который произошел 24 июля 1946 года. Разрушения в порту Находки оказались настолько серьезными, что после этого основные грузопотоки перенесли в порт Ванино. Обломки парохода «Дальстрой» представлены в экспозиции Музея истории ГУЛАГа. Кроме того, мы готовим масштабную выставку «Другая Находка», посвященную истории этого города в 1930—1950-е годы. Помимо архивных документов, на выставке мы хотим познакомиться с личными воспоминаниями как прошедших лагеря, так и обычных горожан, очевидцев той эпохи. В этой связи книга Павла Овчаренко очень своевременна. И теперь у нас есть такая возможность познакомиться лично с Павлом Григорьевичем, услышать его историю из «первых уст».

Роман Романов,  
директор Музея истории ГУЛАГа,  
руководитель Фонда Памяти

Трагическая история советских репрессий продолжает волновать российское общество. Уже давно у нас есть общее понимание, в какой страшной реальности существовали жители СССР в первых десятилетиях его истории. Однако национальная память формируется не сухими энциклопедическими статьями, а человеческими историями. Перед вами такая история. Обычно человека, молодого рабочего из многодетной украинской семьи. Может быть, и не совсем обычного (родители были баптистами). Но чья судьба абсолютно обыкновенна, если присмотреться внимательно?

Не стоит искать в воспоминаниях Павла Григорьевича Овчаренко литературных достоинств. Их ценность в живом (и даже, можно сказать, бесхитростном) свидетельстве о времени. Это голос той части общества, которая часто остается немой для историков.

В этом очень важная веха времени. Сегодня для нас не просто важен каждый человек, но каждый человек интересен. Новые медиа дали возможность высказывания любому, у кого есть самый простой смартфон и выход в Интернет. В ретроспективе тоже происходит нечто подобное, только не благодаря новым технологиям, а усилиями историков и активистов. Без каждого голоса, который сохранила для нас история, наше прошлое неполно. Каждая личная история помогает нам не просто узнать, но прочувствовать время, сопереживая горестям и радостям тех, на чью долю выпало в нем жить. Такую возможность нам дают воспоминания Павла Овчаренко.

Сергей Лукашевский,  
директор Сахаровского центра



**КНИГА ИОВА**  
**Наталья Самовер**

Эта книга столь же необычна, сколь типична судьба ее автора.

Павел Григорьевич Овчаренко родился 15 июня 1919 года в селе Базалиевка в 70 км от Харькова. Вслед за ним, старшим, на свет появились еще девять детей.

В 1926 году начинаются скитания. В поисках лучшей доли семья переселяется в далекую Семипалатинскую губернию (ныне территория Казахстана), оттуда на Кубань, но и там их настигает голод и гонит назад, на родную Харьковщину. Учиться Павлу приходится урывками; как старший из детей он подрабатывает — пасет деревенских коров. «Переводили меня из класса в класс потому, что я все учебники знал наизусть (1)», — вспоминал Павел Григорьевич.

«Родители-баптисты запрещали мне вступать в пионеры, носить красный галстук, запрещали слушать радио, как какую-то нечистую силу, а о кино (...) я мог только мечтать да с завистью слушать, как ровесники рассказывали о фантастическом чуде на экране сказочного вагона. Среди своих ровесников я всегда оказывался в одиночестве, и это больно отражалось на моем самолюбии. (...) я с той детской поры ненавижу баптизм и всякую иную веру в бога» (2), — признавался Овчаренко. И все же еще подростком он прочел Библию и Евангелие, заучивал наизусть стихи из баптистского сборника «Гусли». Вера родителей не дала ни им, ни их детям счастья, однако не из этой ли школы Павел вынес ту моральную стойкость и неподатливость злу, которые потом послужат ему опорой и спасением во тьме ГУЛАГа?

В 1933 году, в разгар Голодомора, 14-летний Павел покинул семью. Он выживал в одиночку как мог — беспризорником в Харькове. Его ловили, помещали в приемник-распределитель; он, напуганный слухами об отправке в детскую колонию, бежал оттуда, снова попадался и снова бежал... С горем пополам закончил только пять классов.

К своим родным он вернется только в 1936-м. К этому времени он уже практически самостоятельный человек — получает рабочую профессию и поступает на знаменитый на всю страну Харьковский тракторный завод. О чудовищной нищете барачного быта обитателей заводского Соцгорода

(1) Цит. по тексту главы «Детство» в редакции 1992 г. См. Приложение 1 к настоящему изданию. В редакции воспоминаний Овчаренко 1990 г. эта глава отсутствует.

(2) См. там же.

он не мог позабыть много десятилетий спустя, даже пройдя через ГУЛАГ, но тогда молодость берет свое, и новая жизнь — городская, советская — захватывает Павла. В пику родителям-баптистам он называет себя безбожником, однако свято верит в товарища Сталина и в те советские идеалы, которые для целого поколения заменили собой религию.

В начале 1939 года он добровольцем поступает на военную службу. Родина отправляет молодого харьковского рабочего на другой конец страны — на Дальний Восток. Павел Овчаренко становится краснофлотцем, «морячком», как он любил себя называть. Морячок, правда, не видал настоящего моря, служил на бронекатере, входящем в состав Амурской Краснознаменной военной флотилии. Все его плавания — по Уссури да по озеру Ханка. Бронекатер по сути — плавучий танк, и краснофлотец Овчаренко служит на нем комендором, т. е. матросом-артиллеристом.

Он комсомолец, отличник боевой и политической подготовки, готовый жизнь отдать за Родину, притом веселый и компанейский с друзьями, нравится девушкам... Сыт, одет, обут. Чего еще желать?

«Мускулистый крепыш чуть-чуть выше среднего роста. Грудь у него выпуклая, голова круглая. Редкие конопатинки на круглом розовом лице у самого носа вместе с маленькими пунцовыми губами вызывают симпатию, но какой-то настырный, колючий и упрямый взгляд карих глаз под густыми чёрными бровями придает ему не совсем приятное выражение», — таким он, не идеализируя, рисует себя тогдашнего. Донесения замполита дивизиона, полные недоброжелательного внимания к краснофлотцу Овчаренко, и показания товарищей, зафиксированные следователем (3), позволяют дополнить эти черты внешности некоторыми чертами характера. Из отдельных его высказываний, подслушанных политработниками и сослуживцами, складывается образ энергичного и неглупого юноши, склонного мыслить самостоятельно и делать подчас неожиданные выводы даже из строго отфильтрованных сведений, сообщаемых ему на политзанятиях, и в то же время настолько простодушного, что может вслух заявить, что в чем-то не согласен с Марксом.

Копятся, копятся свидетельства «антисоветских настроений» неугомонного морячка... Не забыто и происхождение из семьи баптистов. Тайно вскрывается письмо от брата из Харькова; там обнаруживаются строки, приводящие в ярость политработников: «Нас не считают за живых людей, мы стоим хуже скота, работать заставляют сколько влезет, а плотят на хлеб, сельдь и воду, нет ничего в магазинах. Многих в тюрьмы сажают, нельзя лишнего сказать, и как сделаешь брак, так за все высчитывают»... И наконец просто и обыденно постигает неблагонадежного такая же простая, обыденная катастрофа, которая до него и после него сломала жизни многих сотен тысяч.

28 июля 1941 года, через месяц с небольшим после того, как где-то бесконечно далеко началась война, краснофлотец Овчаренко арестован, доставлен в Хабаровск в следственный изолятор и уже 9 августа осужден военным трибуналом флотилии по статье 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация) на восемь лет исправительно-трудовых лагерей.

Он даже не успел толком понять, что с ним произошло.

Начинается новый период его жизни, который лучше всего характеризуется церковным словом «мытарства». Этим годам Павел Овчаренко в основном и посвящает воспоминания — книгу своей жизни. «Так как писать о себе трудно, неудобно и неприлично, я пишу от третьего лица», — предупреждает он. От себя автор оставил главному герою только имя — Павлик, изменив отчество и фамилию. И еще одно лицо он скрыл под вымышленным именем — любимую девушку. «Остальные все имена и фамилии подлинные», — подчеркивает Овчаренко.

Благодаря его невероятно цепкой памяти подлинны также места и события. Большинство реалий лагерной жизни, которые он упоминает, в той или иной степени подтверждаются документально. Он запомнил даже звучание непонятных для него слов на иностранных языках. С кем только ему не довелось столкнуться в ГУЛАГовском интернационале... Обрывки речи узбеков, румын, японцев, более или менее поддающиеся расшифровке, можно найти на страницах его воспоминаний (4).

(4) Ср. с аналогичными наблюдениями узника Освенцима, итальянского еврея П. Леви: «... даже через сорок лет я и другие выжившие все еще помним на слух слова и фразы, звучавшие тогда вокруг нас на языках, которых мы не понимали и не научились понимать; для меня такими языками были польский и венгерский. (...) Чужие слова записались в нашей памяти, как на чистой, пустой магнитофонной ленте; так голодный желудок быстро усваивает даже неудобоваримую пищу. Мы запоминали эти слова не благодаря их смыслу (для нас они не имели смысла), тем не менее, когда спустя много лет мы повторяли их тем, кто мог их понять, оказывалось, что они обозначают самые простые, обычные вещи: угрозы, проклятья, расхожие фразы типа «который час?», «я не могу идти», «оставь меня в покое». Это были разрозненные осколки среди непонятного, плод бесполезного и бессознательно-го усилия выделить смысл из бессмысленного, заглушить голод ума по примеру физиологического голода (...) Возможно, впрочем, это бесполезное парадоксальное запоминание имело иное значение и иную цель, было бессознательной подготовкой к потом, к не изведанному никем и никогда выживанию, когда каждый отдельный опыт мог стать недостающим фрагментом большого мозаичного панно». См. Леви П. Канувшие и спасенные. М., 2010. С. 38.

Вехи его жизни: Хабаровская тюрьма, кирпичный завод, пересылка, лагеря в Горной Шории, лагерь при Яйской швейной фабрике, лесоповал, еще одна пересылка в Бухте Находка и, наконец, Чукотка, а между ними этапы, подчас не менее чреватые гибелью, чем самые страшные лагеря.

Шаг за шагом, месяц за месяцем погружается Павлик Иванов — Павел Григорьевич Овчаренко — в новые и новые круги ГУЛАГовского ада, где в финале его, как Данте, ожидает замороженная бездна чукотского рудника Валькумей. Там ударным трудом он заслужит досрочное — на девять месяцев раньше положенного — освобождение «по зачетам» в октябре 1948 года.

На вечную память о ГУЛАГе ему остались увечья — сломано шесть ребер, перебита левая лопатка, выбито четыре зуба, нет пальца на ноге, голова в шрамах... (5)

Освободившись, Павел Овчаренко не смог вернуться домой — судимость по политической статье закрывала для него доступ в областные центры, среди которых был Харьков. Он уезжает в Донбасс, где есть применение его профессиональному опыту, полученному на Чукотке. И вот он снова шахтер, только теперь вольный. Там, в Донбассе, он женится, рождается сын...

Наконец в 1953 году, после снятия «паспортных ограничений» Овчаренко с семьей переезжает в Харьков, в домик, построенный его отцом в пригородном поселке Фрунзе еще в те годы, когда он служил на Дальнем Востоке. Снова, как в юности, поступает рабочим-шлифовальщиком в инструментальный цех Харьковского тракторного завода.

Проходят годы.

27 апреля 1967 года решением Военного трибунала Краснознаменного Тихоокеанского флота П. Г. Овчаренко был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления.

«25 лет, десять месяцев и двадцать восемь дней находился в списках *государственных преступников* СССР. Правда-то восторжествовала, да жить некогда», — напишет он позднее.

Между тем перед ним лежали еще десятилетия жизни.

В 1969 году, когда ему исполняется 50 лет, он выходит на пенсию — досрочно, благодаря большому «подземному стажу».



Его окружала кажущаяся непоколебимой советская действительность. Такие как он — реабилитированные, бывшие жертвы политических репрессий, — в этой жизни имели какой-то невнятный, промежуточный статус. Вроде бы они больше не считаются преступниками, но тень прошлого продолжает висеть над их головами. Никаких льгот им не положено, в официальной версии истории страны о них вообще не упоминается, их судьбу, их страдания тщательно обходят молчанием. Они выжили, но память о том, что на протяжении многих лет было их жизнью, сейчас, в благополучные времена, неуклонно стирается, превращается в ничто.

И Овчаренко начинает новую борьбу. На этот раз не за жизнь, а за память, за право правды на существование. Эта борьба, как когда-то борьба за выживание в лагерях, одинока и небезопасна.

Втайне от окружающих он работает над воспоминаниями о самом страшном (и самом главном), что ему довелось пережить и повидать на своем веку.

В советской литературе для него был единственный образец — «Один день Ивана Денисовича», опубликованный в «Новом мире» в 1962 году.

Украинец Овчаренко пишет по-русски, чтобы его книга стала доступна как можно большему числу сограждан. Свою книгу он назовет «Горечь. Воспоминания и размышления». Судя по подзаголовку, она замышлялась как классические мемуары, однако со временем беллетризировалась, обогащаясь художественными красками.

Его образования — пять классов, ФЗУ и семь с лишним лет лагерей — недостаточно для того, чтобы осилить масштабный писательский замысел, и он упорно дополняет его самостоятельным чтением и занятиями в литературной студии. Его многолетний труд становится подвигом — в духовном смысле этого слова.

Осенью 1970 года Нобелевская премия по литературе присуждается Александру Солженицыну; в ответ в советских газетах разворачивается яростная травля лауреата. Но именно тогда харьковский пенсионер Павел Овчаренко предпринимает дерзкую, едва ли не самоубийственную попытку прорыва к широкому читателю. Он посылает «Горечь» в Союз писателей СССР.

«Рукопись Ваша – впечатляющий и искренний человеческий документ. Перед читателем исповедь авторской души, биографически конкретное документальное повествование, в ход мыслей Вашего героя читатель верит» (6), — отвечает ему литературный консультант Союза писателей Илья Крупник. К счастью, «Горечь» попала в руки достойного человека, не стукача, но, конечно, ни о какой публикации в то время не могло идти и речи.

Лишь во второй половине 1980-х годов, с началом перестройки у Овчаренко появляется надежда быть услышанным. Он снова посылает свою рукопись в Союз писателей. На этот раз консультант попался другой. «Шансов на то, что Вам удастся поднять „Горечь“ на качественно иной, более высокий уровень, что позволило бы хотя бы с оговорками назвать ее повестью, у Вас нет», — жестко отвечают ему. Но Овчаренко не сдаётся, одно за другим перебирает несколько издательств, в ответ получая сдержанные похвалы и советы еще поработать над текстом.

Он ведь и правда не писатель; он свидетель, но тогдашняя гуманитарная мысль еще только осваивает это понятие. Когда-то в лагерях Павел Овчаренко просто выживал, не думая о будущем, не предназначая себя к чему-то большему, чем выживание. Но теперь он сознавал необходимость свидетельствовать о ГУЛАГе как миссию, как непреложный долг выжившего.

В конце 1980-х годов на страницы советской прессы выплеснулся огромный объем исторической информации. Обнаружение множества ранее неизвестных фактов и текстов побуждало к вписыванию своего личного опыта в «большую» историю — так в тексте «Горечи» возникает пространственный антисталинский монолог в духе перестроечной публицистики, вложенный в уста эпизодического персонажа (7), появляются некоторые анахронизмы и элементы художественного вымысла вроде упоминания о совместном концерте самых известных артистов-заключенных — Вадима Козина и Лидии Руслановой (8). Однако эта неизбежная дань времени (9) не отменяет общей достоверности и не снижает ценности этих воспоминаний в том, что касается самого автора.

(6) Здесь и далее отзывы консультантов Союза писателей СССР цитируются по подборке документов, приложенной к тексту «Горечи» в редакции 1992 г. См. электронную публикацию — <http://vini.orgfree.com/Bitterness/Bitterness00.html> (дата обращения: 25.05.2020).

(7) См. главу «Рудник Валькумей».

(8) См. прим. (715) к тексту книги.

(9) Подробнее о художественных особенностях лагерной прозы, создававшейся одновременно с «Горечью» Овчаренко, см.: Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Научный журнал. 2013. № 3 (40). С. 139—153.

Между тем общественная атмосфера меняется на глазах. В июле 1989 года журнал «Новый мир» начинает публикацию глав из «Архипелага ГУЛАГ».

4 октября того же года П. Г. Овчаренко пишет в Москву на имя председателя Общества «Мемориал» академика

А. Д. Сахарова, рассказывая вначале о себе:

«После 20-го и 22-го съездов КПСС, когда Н. Хрущев объявил на весь мир о культе личности Сталина и сказал, что многое останется тайной, зарыто во глубине сибирских руд (10), меня это задело за живое, и я решил описать от звонка до звонка свой срок, свою молодость, свое существование на третьем десятке своей жизни. И вот я больше двадцати лет стряпаю книгу „Горечь“; именно стряпаю, ибо взялся я за перо с пятиклассным образованием, правда, за время застоя я три года подряд сидел исключительно за грамматикой и литературой. Посылал в Союз писателей СССР, меня исповедовали, и я снова писал и переписывал. Последние годы я перепечатаваю в пяти экземплярах, беру в переплет, оглавление красиво пишут мне граверы, и пять книг готовых. Таким образом, у меня уже более 20 книг блуждают по свету (помогает перестройка) — на Сахалине, в Курске, Ворошиловграде (11), много в Харькове; подарил я Харьковскому «Мемориалу», лично Христиану Раковскому — внуку Христиана Раковского и сыну Валериана Раковского, замученных на Лубянке (12), а также подарил любимому поэту Евгению Евтушенко. (...) Клянусь жизнью, описано все правдиво, ну а печатать ее не берутся — уж много там горькой правды, и каждый думает: „Как бы чего не вышло! Лучше отказать!“ А выбрасывать и обесцветивать свою „Горечь“ я не намерен; что глаза видели, то и пишу, что ум запомнил, то и пишу» (13).

Однако цель этого письма не в том, чтобы заручиться поддержкой Сахарова для издания «Горечи». В том же письме Овчаренко рассказывает о своих тщетных попытках узнать что-либо о судьбах двоих врачей, с которыми ему довелось встречаться в лагерях в начале 1940-х годов. Осужденные, как ему запомнилось, по делу о смерти Максима Пешкова — сына Горького (14), на сроки от 15 до 25 лет, эти врачи и в ГУЛАГе продолжали пользоваться высо-

(10) «Во глубине сибирских руд» — скрытая цитата из одноименного стихотворения А. С. Пушкина, посвященного каторжанам-декабристам.

(11) Ворошиловград — город на Украине, которому в 1990 г. будет возвращено историческое название Луганск.

(12) Раковский Х. В. (1934—2014) — выходец из семьи потомственных революционеров, заслуженный деятель науки и техники Украины, разработчик космической техники, доктор технических наук, профессор, полковник в отставке, основатель Украинского отделения международного общества «Мемориал», основатель и президент Международного славянского университета в Харькове, внучатый племянник Х. Г. Раковского (1873—1941) — активного участника международного коммунистического движения, первого председателя Совнаркома Украины, расстрелянного в числе прочих политзаключенных Орловского центра, сын В. П. Раковского (1902—1939) — инженера-путейца, арестованного вслед за отцом и умершего в тюрьме во время следствия.

(13) Архив Международного «Мемориала». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. № 3366. Лл. 10-11.

(14) Т. е., очевидно, в связи с делом правотроцкистского блока, в рамках которого Г. Г. Ягоде вменялось в вину убийство А. М. Горького и его сына.

чайшим профессиональным авторитетом. Доктор Шапиро спасла ему, доходяге, умиравшему от воспаления легких, жизнь; доктор Петров был его старшим приятелем, и общение с этим доброжелательным, интеллигентным человеком стало для молодого лагерника моральной отдушиной. Образы этих людей — одни из самых светлых в воспоминаниях Овчаренко; недаром и много лет спустя он не забывал о них, надеясь, что и для них восторжествует справедливость.

«Обращаюсь лично к вам, товарищ Сахаров, помогите найти группу врачей по делу сына Горького Пешкова М. А.» (15), — пишет он.

И еще одно тревожит, глубоко ранит и обижает бывшего краснофлотца Овчаренко: «Объявили на радио, что восстанавливают в ВЛКСМ реабилитированных, но это, вероятно, мертвых, а я, живой, взял да и написал в январе 89 года: „Прошу восстановить и меня в рядах ВЛКСМ. Тогда я буду считать себя полностью реабилитированным“. И ни ответа, ни привета» (16).

Для него, старика, членство в комсомоле, очевидно, много значило. Он вступил в ВЛКСМ в бытность свою на военной службе в конце 1939-го или в начале 1940 года. То были единственные во всей первой половине его жизни годы относительного благополучия — передышка между ужасом детства и юности и ужасом ГУЛАГа, а исключение из комсомола в начале 1941-го стало близким предвестием катастрофы. Вот почему без совершения этого странного, чисто формального действия реабилитация для него неполна. Он требует реабилитации политической, общественной, а не только уголовной. Он хочет вернуть себе свою жизнь во всей полноте — хотя бы символически.

О восстановлении в рядах ВЛКСМ ему сообщат уже вскоре — в январе 1990-го.

Павла Григорьевича Овчаренко не стало в декабре 1995 года.

Старость его была тяжела и омрачена конфликтами с близкими людьми. Но живы еще те, кто лично знал его и сумел оценить.

«С Павлом Григорьевичем Овчаренко я познакомился в 1988 году, в период создания в Харькове городской организации Всесоюзного исторического и правозащит-

(15) Архив Международного «Мемориала». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. № 3366. Л. 11. Связь упоминаемых Овчаренко докторов с известным «делом врачей», скорее всего, представляла собой лагерную легенду. Об этом см. прим. (367) и (473) к тексту книги.

(16) Там же. Л. 11.

ного общества „Мемориал“, — рассказывает писатель, журналист Феликс Рахлин, отец которого сам прошел через ГУЛАГ. — Первое собрание по созданию этого общества состоялось в крошечном конференц-зале Харьковского отделения Союза советских писателей на ул. Бассейной (ныне ул. Ярослава Мудрого), куда набилось масса народу. Там меня включили в состав оргкомитета по созыву первой, учредительной конференции. Туда и принес П. Г. Овчаренко рукопись этих воспоминаний — толстый переплетенный том машинописи, чтение которого произвело на меня большое впечатление».

«Это был широкоплечий, невысокий, плотного телосложения старик лет семидесяти, державшийся спокойно, с достоинством, говоривший медленно, ясно, вполне логично. В беседе он был несуетлив, спокоен, степенен, умел слушать собеседника. У меня не возникало ни малейшего недоверия ни к остроте его памяти, ни к достоверности его устных и письменных воспоминаний», — таким автор «Горечи» запомнил Рахлина.

А вскоре состоялась важная для Овчаренко встреча с поэтом Евгением Евтушенко.

«В 1989 году в городском центральном лектории общества „Знание“ проводился под моим председательством вечер „Говорят жертвы сталинских репрессий“. Это была первая встреча такого рода в городе. Ее подготовка была поручена мне, и Павел Григорьевич был одним из выступавших с воспоминаниями, — продолжает Феликс Рахлин. — Вечер прошел при большом внимании всех собравшихся, много было принявших участие в обсуждении выступлений. В середине встречи на нее явился и сопредседатель (и инициатор создания Всесоюзного „Мемориала“) поэт Е. А. Евтушенко, то ли еще кандидат, то ли уже избранный харьковчанами на первых свободных выборах на Съезд народных депутатов СССР» (17). Очевидно, именно тогда Овчаренко вручил поэту экземпляр своих воспоминаний.

В эти последние годы «Мемориал» занимал важное место в жизни Овчаренко. С этой организацией он связывал надежду на историческую справедливость — не только в отношении себя и других выжив-

(17) На первых демократических выборах, состоявшихся весной 1989 г., Е. А. Евтушенко был избран народным депутатом СССР от Дзержинского территориального избирательного округа города Харькова. Кандидатом в депутаты его выдвинул Харьковский «Мемориал».

ших жертв репрессий, но и в отношении всех загубленных сталинским режимом. Неслучайно в тексте «Горечи» несколько раз встречается имя крупного советского дипломата, бывшего председателя Совнаркома Украины Христиана Раковского, осужденного в 1938 году по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелянного в 1941 году, внук которого, видный ученый Х. В. Раковский, в те годы был сопредседателем Харьковского «Мемориала».

Писатель, переводчица Наталия Виниковецкая встретила с Овчаренко уже на закате его жизни. «С Павлом Григорьевичем я познакомилась в 1994 году во время работы в Архиве харьковского филиала общества „Мемориал“, — вспоминает она. — Незадолго до этого он тоже сотрудничал в „Мемориале“, но „пересечься“ нам не удалось, потому что Павел Григорьевич ушел оттуда раньше, чем я пришла. Один из экземпляров его автобиографической книги „Горечь“ был подарен автором нашему Архиву и хранился среди других подобных материалов. На меня эта книга произвела чрезвычайно сильное впечатление.

Не помню, с каким именно поручением руководительница Архива Гайа Филипповна Каратаева послала меня к Павлу Григорьевичу. О моем предстоящем визите она договорилась с ним по телефону. Повесив трубку, Гайа Филипповна сказала: „Овчаренко согласен!“, из чего я сделала вывод, что его согласие не было изначально гарантировано.

Мы имели с Павлом Григорьевичем долгую доверительную беседу. Потом я еще бывала у него в доме, но, помнится, не больше двух раз. Помню, как получила от него в подарок трехлитровую банку компота его собственного изготовления, из выращенных в собственном саду слив. А в начале 1995 года я приходила к нему прощаться перед нашей репатриацией в Израиль. Тогда он подарил мне экземпляр книги „Горечь“.

После освобождения из лагеря, вернувшись в Харьков и работая на заводе, он занимался в литературном кружке. К сожалению, не помню, кто был руководителем кружка. Павел Григорьевич отзывался об этом человеке с уважением и признательностью (18).

В то время, когда я общалась с Павлом Григорьевичем, он был полон энергии,

(18) Литературная студия Харьковского тракторного завода — одно из старейших литературных объединений Украины, где получали первые уроки профессионального мастерства начинающие прозаики, поэты, драматурги, писавшие как на русском, так и на украинском языке. Очевидно, речь идет о поэте З. М. Каце (1911—2008), руководившем литературной студией ХТЗ в 1960-х гг., или о сменившем его в 1970-х литературоведе, критике и театроведе Г. М. Гельфандбейне (1905—1993).



активного интереса к жизни, к людям. Он не производил впечатления сломленного человека — скорее наоборот. Меня удивляло и восхищало то, что он остался «бойцом», я узнавала в нем молодого Павлика из „Горечи“.

К моменту нашего знакомства Павел Григорьевич был вдовцом, жил вдвоем с единственным сыном. С нежностью говорил о своей покойной жене...»

По свидетельству Наталии Виниковецкой, Овчаренко в целом закончил работу над текстом своих воспоминаний в 1989 году. «Ни одно издательство ее не приняло, — продолжает она, — но Павел Григорьевич и не думал сдаваться. Он организовал у себя дома „самиздат“ в полном смысле слова. То есть он сам печатал на ветхой пишущей машинке страницу за страницей, делал переплеты из подручных материалов и раздавал готовые экземпляры разным людям и организациям. Технология у него была следующая: он закладывал в машинку по четыре листа с копиркой (пятый лист получался нечитаемым, проверено). В результате выходило четыре одинаковых экземпляра. В следующий раз он обязательно что-то менял в своем повествовании, дополнял, исправлял и т. п. Экземпляр „Горечи“, который находится в архиве харьковского „Мемориала“, кое в чем отличается от подаренного мне. Тот авторский экземпляр, который находится у меня, „выпущен“ в 1992 году. Переплет — в полном смысле из подручных материалов, из того, что удалось раздобыть. Цветная бумага в обрезках, вырезанные из журналов картинки на обложке».

Небольшие фрагменты «Горечи» все-таки увидели свет при жизни автора. 17 августа 1989 года они были опубликованы в переводе на украинский язык в харьковской газете «Ленінська зміна» с предисловием Феликса Рахлина. «Не могу избавиться от мысли, что это будто сам Иван Денисович Шухов рассказывает о себе, — писал Рахлин. — Рассказ Солженицына — значительно талантливее, пусть даже гениален, и разве правильно было бы не выслушать и самого его героя? Журнал „Новый мир“ и сам Твардовский проявляли большое внимание к „солдатским мемуарам“; „лагерные мемуары“ не менее значимы. И сколько бы их ни было, ценность имеет

каждая отдельная работа, ибо сколько людей — столько и судебных, своих, неповторимых углов зрения...» (19).

Овчаренко в целом выстроил свою книгу к концу 80-х годов, однако и дальше продолжал работать над ней, внося различные изменения. Учитывая, что, по его собственному утверждению, в 1989 году уже существовало более двадцати экземпляров «Горечи», а также то, что в Сахаровском центре хранится экземпляр, созданный в 1990 году, а Н. Б. Винниковецкой был подарен экземпляр 1992 года, можно предположить, что в общей сложности им было создано не менее семи редакций текста.

В редакции 1992 года он, по совету Ф. Д. Рахлина, отказался от повествования в третьем лице. Там его герой уже не вымышленный Павлик Иванов, а сам Павел Овчаренко. Чисто литературные фрагменты, такие как реконструкция сознания упыря-вертухая, от скуки заманивающего жертву за «запретку», подверглись сокращению, и это привело к тому, что текст утратил часть художественной глубины; но в то же время в книге появилась дополнительная мемуарная глава, посвященная детству автора, а к приложению Овчаренко добавил фрагменты документов, связанных с историей своих многолетних попыток добиться публикации «Горечи».

Уже после его смерти Н. Б. Винниковецкая на своем личном сайте поместила полный текст «Горечи» в последней редакции по принадлежащему ей экземпляру, датированному 1992 годом (20).

«Горечь» П. Г. Овчаренко принадлежит к редчайшему типу воспоминаний о ГУЛАГе, авторы которых по происхождению были далеки от письменной культуры. По оценке исследователя лагерной мемуаристики И. Л. Щербаковой, общее количество воспоминаний, оставленных узниками ГУЛАГа, составляет 2–3 тысячи текстов, абсолютное большинство из которых написано представителями интеллигенции, партийной и советской номенклатуры (21). Между тем большинство населения «архипелага» составляли выходцы из самых массовых социальных слоев — крестьяне и рабочие. Их восприятие ГУЛАГа, их опыт выживания и по сей день в значительной степени остаются закрытыми для нас.

(19) Овчаренко П. Гіркота // Ленінська зміна. 1989. 17 серпня. С. 2.

(20) См.: <http://vini.orgfree.com/Bitterness/content.htm>

(21) Подробнее об этом см.: Щербакова И. Л. Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сб. статей. Челябинск, 2004. С. 168—185.



Отчасти аналогию «Горечи» можно найти в воспоминаниях Ивана Трифоновича Твардовского — смоленского крестьянина, младшего брата знаменитого поэта, который прошел все круги ада: раскулачивание, ссылку, фашистский плен и сталинские лагеря. Подобно Овчаренко, он окончил свою ГУЛАГовскую эпопею на Чукотке и так же после всего пережитого обратился к литературному труду (22).

Однако «Горечь» — это далеко не «наивные» мемуары. Временами Павел Овчаренко подчеркнуто расподобляет себя и главного героя книги — Павлика Иванова, прямо обращаясь к «уважаемому читателю» с авторскими комментариями. В то же время беллетризация помогает «зацепить» читателя, добиться от него эмоциональной вовлеченности в происходящее. Этой же цели служит включение в прозаическое повествование множества поэтических фрагментов. Свой текст Овчаренко обильно прослаивает чужими, по большей части хорошо знакомыми читателю, — отрывками песен (популярных советских, народных, революционных, блатных, бардовских) и стихами, которые иногда тоже зовет песенками. Часто его цитаты грешат неточностью; с первоисточниками он явно не сверялся, поскольку все это многообразие поэзии помнил наизусть.

Для Павла Овчаренко не было поэзии высокой и низкой, и потому так естественно для него и так невыносимо для читателя вплетаются в бесчеловечный лагерный контекст вперемешку с «жиганской» лирикой стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Некрасова, Есенина, Ахматовой... И вдруг открывается чудовищное родство меланхолического «Вечернего звона» Ивана Козлова с жалостным «блатняком». Арестантские песни двух столетий сливаются в единый стон.

Есть у его книги и еще одна характерная особенность — кинематографичность мышления автора.

Павлу Овчаренко мало, чтобы читатель воспринимал его повествование через призму слова. Он покадрово раскладывает свои главы, фиксирует кульминации яркими визуальными деталями и «озвучивает» свое повествование как в фильмах, где песни выступают продолжением видеоряда, развивают и обобщают то, что уже увидел

зритель, и то, что ему еще предстоит увидеть и осознать.

Как в кино, он замедляет время, чтобы читатель увидел-услышал-почувствовал всеми обостренными чувствами приговоренного то, что совершается в одно бездонное мгновение, — как делает первый шаг колонна заключенных, как кричит на возчика и бьет его лошадь озверевший начальник лагеря, как нехотя трогаются с места сани, как скользит, извиваясь, по талому снегу привязанная к ним веревка, которая вот-вот должна затянуться у него на горле...

Уделяя большое внимание диалогам, он старается графически передать даже интонацию речи своих персонажей, чтобы читатель мог услышать, как лениво-презрительно цедят слова блатные, как отрывисто лают конвоиры и как захлебывается рыданиями сам Павлик. Вот только нецензурщину, из которой в значительной степени состояла лагерная речь, он в свое повествование не пускает — заменяет неуклюжими, многосложными эвфемизмами.

Внешний сюжет «Горечи» — страшные приключения «морячка» в ГУЛАГе, своего рода адская «Одиссея», но есть в ней и особый нерв, который делает эту книгу чем-то большим, чем просто воспоминания, и выводит ее в пространство литературы.

Консультант Союза советских писателей находил, что как писатель Павел Овчаренко безнадежен, и его книгу никогда не удастся дотянуть до того, чтобы «хотя бы с оговорками назвать ее повестью». Однако Наталия Винниковецкая говорит о нем как о «человеке с творческой потенцицией Джека Лондона», тут же оговариваясь, что подобные испытания Джеку Лондону и не снились.

Она права.

За семь лет и два месяца своих мытарств Павлик испытал участь доходяги и благополучного «придурка», был лесорубом, шахтером, токарем, пекарем, банщиком, вязал носки в «слабосиловке», делал ложки и портсигары, кайлил окаменевшую от мороза глину и таскал тяжелые тачки с грунтом; побывал и простым работягой, и старостой барака, и бригадиром; наживал нехитрое эзковское добро и терял все до нитки. Он умирал от голода, от жажды, от болезни, замерзал, его рвали конвойные

собаки, он шагал полуживой, привязанный к саням с петлей на шее. Он чудом не попал на пароход, который у него на глазах взлетел на воздух. Он встретил любовь и отпустил ее, когда понял, что она его не дождется. Рвался на фронт и стал свидетелем «Сучьей войны» между ворами-«законниками» и теми из блатарей, кто не брезговал сотрудничеством с начальством. Бросал отчаянный вызов конвою и надзирателям и хитрил, выгадывая лишний день жизни. Не раз побывав на краю смерти, он повидал значительную часть ГУЛАГа — от Горной Шории до Чукотки.

Однажды на этом пути он проклял Бога.

«Если ты всемогущ и не желаешь добро человеку сделать, то я тебя проклинаю, отправь меня за это в ад!.. Ты хуже черта, хуже гориллы, зеленый ты крокодил, прокаженная твоя душонка, образина ты, в гробу я тебя видел... Не принимаешь?.. Ну-у-у... Если так!.. То хороню я тебя здесь на всю жизнь в суровой Горношории. Ты для меня больше не существуешь, аминь, аминь, аминь!!!»

Бог не отозвался, не заговорил с ним, как с Иовом, но... «Смотрите, что произошло на следующее утро, — замечает Наталия Виниковецкая. — Невероятные вещи! Начальник лагеря, само воплощение зла, еще вчера хотевший убить Павлика, вдруг неожиданно проявляет к нему милосердие. Милосердие! Через несколько дней жестокий надсмотрщик наносит Павлику удар дубинкой по больной ноге. Чудовищная боль! Но, как оказалось, этот удар привел к вскрытию гнойника и в результате к исцелению... Это ли не цепочка чудес? Я думаю, Бог все-таки ответил на молитву Павлика».

Жизнь, а с нею и мытарства, продолжилась.

«Убежден, что лагерь — весь — отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя — это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать. На всех — заключенных и вольнонаемных — лагерь действует растлевающим» (23), — утверждает Шаламов. Но его собственное свидетельство о бесчеловечии само по себе становится исповеданием человечности. То же относится и к «Горечи» Овчаренко.







Для абсолютного большинства перечисленных объектов планы Овчаренко являются единственными изображениями.

Скрупулезно фиксирует он все объекты, находившиеся как на территории лагерей, так и за территорией, если они упоминаются в тексте воспоминаний. Как бывший моряк Овчаренко указывает даже стороны света. Графические планы виртуозно выполнены с помощью пишущей машинки и немного подрисованы шариковой ручкой. Каждый помещен на отдельном нумерованном листе, вплетенном в начале соответствующей главы.

В книге 442 нумерованные страницы, текст напечатан на обеих сторонах листа.

В конце, как положено настоящей книге, — оглавление и выпускные данные, согласно которым она была сдана в переплет 1 января 1990 г. (25) и вышла тиражом пять экземпляров, причем на экземпляре Сахаровского центра от руки проставлен номер 4.

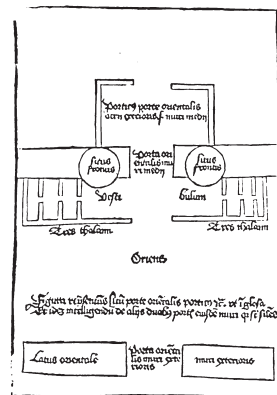
«Переплет — 3 руб., художественное оформление — 1 руб., бумага — 2 руб., лента и копировальная бумага — 3 руб., фото 3 шт. — 3 руб. плюс труд — два месяца» — такова лаконичная смета этой авторской книги.

С разрешения Н. Б. Винниковецкой в качестве Приложения 1 к настоящему изданию книги П. В. Овчаренко «Горечь» помещается глава, посвященная детству автора, в редакции 1992 года. Из той же публикации заимствована фотография П. Г. Овчаренко, сделанная в 1948 году вскоре после освобождения.

В состав Приложения 2 включены фрагменты архивных документов, касающихся наблюдения командования за политическими настроениями краснофлотца Овчаренко в 1940 году — в период, предшествовавший его аресту, а в состав Приложения 3 — отдельные документы из его следственного дела.

Подготовка текста и комментариев — Н. В. Самовер.

Все опубликованные в настоящем издании тексты П. Г. Овчаренко подвергнуты минимальной литературной правке, не затрагивающей авторский стиль.



автор. Наивная картография и архитектура, будучи воплощены в условно-фигуративном наборе — все это буквально повторяет архаическую потребность запечатлеть мир в доступном материале. В результате мы можем наблюдать подлинное фактурное родство «Горечи» скорее с изданиями Альда Мануция, Петера Шеффера и палеотипами Плантена.

*Sopra de questo superbo & Triumphale uectabulo, uidi uno bianchissimo Cysno, negli amoroosi amplexi di una inclita Nympha filioz de Theleo, di incredibile bellezza formata, & cum el diuino rostro oblectantif, demissile le ale, regeua le parte denudate della igenua Hera, Et cū diuini & uoluptici oblectamenti illa uano delectabilmente iucundissimi ambi conncxi, Et el diuino Olore tra le delicate & niuce coxe collocato. Laquale commodamente sedeuo sopra dui Puluini di panno dorro, exquisitamente di molliccia lanugine tomentati, cum tutti gli sumptuosi & ornanti correlarii opportuni. Et ella induta de uesta Nympha le subtile, de ferico bianchissimo cum trama dorro texto praluccente*

*Agli loci competenti elegante ornato de petre pretiose.*

*Sencia defecto de qualunque cofa chead incremento di dilecto uenustamente concorre. Summa mente agli intuenti conspicuo & delectabile. Cum tutte le parte che al primo fue descritto dilaudet & plaudet.*

lo.  
\*.

Эти нюансы легли в основу оформления издания, которое вы держите в руках: по сути это документальный перенос наборных качеств оригинального издания на новый формат, бумагу, шрифт — с целью выявить и использовать плотность, простоту и аскетичность оригинального издания. Книга полностью перенабрана, вместе с «иллюстрациями» и декоративными элементами — это можно считать ключевым эпизодом оформления, расширяющим понятие документального воспроизведения до типографической репродукции (чтобы дать формальное представление о внешности оригинального издания, книга снабжена фотографиями). [Примеч. дизайнеров].

(25) Это не совсем точно, т. к. в подборке документов, приложенной к книге, присутствует справка из Харьковского обкома ЛКСМ Украины от 5 января 1990 г.

Благодарю Д. Г. Юрасова (Москва),  
Управление СБУ в Харьковской области,  
лично начальника Управления  
Н. В. Найдича и сотрудника архива  
О. Васину, И. Ю. Рапп (Харьковская  
правозащитная группа, Украина),  
Н. Б. Винниковецкую (Модиин, Израиль),  
Ф. Д. Рахлина (Афула, Израиль),  
А. Г. Козлову (Международный «Мемориал»,  
Москва), Л. И. Неунывахину (музей-  
заповедник «Трехречье», пос. Усть-Кабырза  
Кемеровской области), Управление ФСБ  
России по Хабаровскому краю,  
Ю. А. Егорова, Я. В. Леонтьева,  
А. Н. Мельникова, Н. В. Петрова,  
Л. В. Садовникову, И. А. Фионова,  
О. В. Эдельман (Москва), М. И. Розенфельда  
(Харьков, Украина), И. А. Щекотову,  
Т. А. Гнилицкую и Т. П. Громову, Л. Г. Холину  
(Сахаровский центр, Москва), Р. В. Романова  
и других сотрудников Государственного  
музея истории ГУЛАГа (Москва), а также  
читателей фейсбука Сахаровского центра  
В. К. Любарскую, Н. Лычивек (Берлин,  
Германия), А. Н. Пашаева (Гатчина),  
М. Х. Сатторова, В. Ю. Токарева (Москва),  
И. В. Ивановскую (Санкт-Петербург)  
и других за многообразную помощь,  
оказанную при подготовке этого издания.

Особая благодарность

Г. Г. Суперфину (Бремен, Германия).









## ПРИГОВОР

Именем Союза Советских  
Социалистических Республик  
9 августа 1941 г., г. Хабаровск, База АКФ  
Военный трибунал Амурской  
Краснознаменной флотилии в составе:  
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО —  
военного юриста 2-го ранга ФОНАРИКОВА,  
членов: капитана ХАЛИМОН  
и воентехника 2-го ранга САБАНЦЕВА,  
при секретаре глав. старшине БЕЛОВЕ,

рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению бывшего краснофлотца Н-ского соединения АКФ ОВЧАРЕНКО ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА, 1919 г. рождения, уроженца д. Базалиевка Печенежского района Харьковской области, по происхождению из крестьян, по соц. положению рабочего, по национальности украинца, беспартийного, образование в объеме 7 классов, на военной службе добровольно с 1939 г., ранее не судившегося, — в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР,

## У С Т А Н О В И Л С Л Е Д У Ю Щ Е Е:

Подсудимый ОВЧАРЕНКО, будучи антисоветски настроен, систематически проводил среди личного состава части контрреволюционную агитацию, а именно: за период с августа по декабрь месяцы 1939 г., а также в феврале и апреле м-цах 1941 г. в разное время в беседах с военнослужащими выступал с контрреволюционными клеветническими суждениями, направленными против мероприятий ВКП(б) и Советского правительства по укреплению обороноспособности нашей страны, а также по укреплению трудовой и воинской дисциплины и возводил контрреволюционную клевету на условия службы в Красной Армии.

Также в ноябре м-це 1940 г. в разное время подсудимый ОВЧАРЕНКО в беседах с военнослужащими возводил контрреволюционную клевету на материальное положение трудящихся СССР, клеветал на советскую печать и восхвалял армию одного из капиталистических государств.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!  
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ  
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ  
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ  
МОСКВА, ул. Богдана Хмельницкого, д. 3/13

№ 0-1927/а 14 апреля 1989 г.  
310089, Харьков, пос. Фрунзе,  
Днестровская, № 16-2.  
ОВЧАРЕНКО П. Г.

Ваше письмо поступило в Комитет ЦК ВЛКСМ  
по реабилитации комсомольцев.

После внимательного рассмотрения Вашей прось-  
бы Вы будете проинформированы о принятом решении.

Зам. председателя Комиссии ЦК ВЛКСМ  
по реабилитации комсомольцев.

ПОДПИСЬ  
В. ХОРУНЖИЙ

На семьдесят первом году моей жизни собираются  
меня восстановить в комсомоле, как жаль, что жизнь  
коротка!

А я одной ногой шагаю с комсомолом,  
 Второй давно уже в гробу.  
 Зачеркнуть бы всю жизнь,  
 Да начать все сначала,  
 Да узнает ли Родина-Мать  
 Одного из пропавших твоих сыновей.  
 Так перебиты, поломаны крылья,  
 Дикой болью мне душу свело,  
 Кокаина серебряной пылью  
 Все дорожки мои занесло.  
 С ранних лет я не вижу отрады,  
 Потерял я родимую мать,  
 И с судьбой познакомился рано,  
 Научила судьба тосковать (26).

(26) Контаминация песни  
 Е. Д. Аграновича из кинофиль-  
 ма «Судьба резидента» (1970)  
 «Зачеркнуть бы всю жизнь да  
 сначала начать» и блатной пес-  
 ни «Перебиты, поломаны кры-  
 лья», восходящей к кинофиль-  
 му «Заклученные» (1936).

жожожожожожожожож  
 хфхфхфхфхфх



На рассвете все это началось.  
 Все летело и вертелось и рвалось.  
 Ничего народ со зла не разберет,  
 Кто вперед бежит, а кто наоборот.  
 И поперла эта сволочь не вчера,  
 Распроклятого июньского утра.

Неизвестный автор (29)

За далекими уральскими горами, за озером Байкал, там, где река Иман границей разделяет старый и новый мир, около железнодорожной ветки расположился заштатный городишко Иман (30).

Воскресенье под Новый 1941 год порадовало иманских краснофлотцев оттепелью. В казарме все чистятся, приглаживают до блеска форму, стремятся попасть в увольнение. Но отзвучали дудки (31), и ушли счастливики в город. Зимой весь плавсостав живет в портовой казарме, а рядом в заливе стоят замороженные бронекатера (32). В этом дивизионе служит комендором (33) Павел Иванович Иванов: мускулистый крепыш чуть-чуть выше среднего роста. Грудь у него выпуклая, голова круглая. Редкие конопатинки на круглом розовом лице у самого носа вместе с маленькими пунцовыми губами вызывают симпатию, но какой-то настырный, колючий и упрямый взгляд карих глаз под густыми черными бровями придает ему не совсем приятное выражение.

Во время боевой подготовки башни бронекатеров оживают. В сухом морозном воздухе раздаются команды, то «право на борт!», то «лево». Пройдут практические занятия, и снова замирает в первозданной красоте белоснежный залив, окутанный сказочными золотисто-вафельными облаками. Лишь часовые и днем и ночью бдительно охраняют свои боевые корабли.

Краснофлотцы, свободные от вахты, устремились в портовый клуб, который расположен в казарме за стенкой. В клубе выступает самодеятельность дивизиона. Клуб заполнен до предела краснофлотцами, комсоставом и их семьями. Павлик участвует в спектакле

(29) Неточная цитата из песни М. Н. Ножкина «На рассвете» (1969), которая в исполнении автора распространилась в музыкальном самиздате.

(30) Иман — город в Приморском крае близ границы с Китаем при впадении одноименной реки (ныне Большая Уссурка) в Уссури. В 1972 г. переименован в Дальнереченск. Перед войной — место базирования Иманского отдельного дивизиона речных кораблей Амурской Краснознаменной флотилии (ИОДРК АКФ). В 1-м отряде этого дивизиона проходил службу краснофлотец П. Г. Овчаренко.

(31) Боцманские дудки, использовавшиеся для подачи команд экипажу судна. В данном случае сигнал, услышав который, краснофлотцы, свободные от службы, отправились в увольнение.

(32) В состав ИОДРК входили большие «амурские» бронекатера проекта 1124, снабженные двумя танковыми башнями с 76-миллиметровыми пушками и двумя малыми пулеметными башнями.

(33) Комендор — матрос-артиллерист.



(34) Драма Л. П. Карасева «Огни маяка» (1938) в то время шла во многих профессиональных театрах страны. В центре ее — разоблачение советскими моряками-дальневосточниками своего товарища — моториста Нефедова, оказавшегося японским шпионом, и борьба с японцами за маяк.

(35) Парторг — сокращенное от «партийный организатор», выборный глава партийной организации, в данном случае существующей по месту службы. В его обязанности входил надзор за политическими взглядами, бытовым поведением и лояльностью в первую очередь членов Коммунистической партии, но фактически высокий статус парторга позволял ему жестко отчитывать не только коммунистов, но и беспартийных краснофлотцев.

(36) С мая 1939 г. срок службы краснофлотцев составлял пять лет. Овчаренко, в отличие от своего товарища, служил только второй год.

(37) Имеется в виду заместитель командира дивизиона по политической части батальонный комиссар Яценко.

«Огни маяка». Вопреки его желанию ему навязали роль шпиона (34). Володя — друг по кубрику и расписанный по боевой подготовке в одной башне с Павликом — по ходу действия спектакля арестовывает этого шпиона. Еще до выхода на сцену друзья договорились между собой выкинуть номер — оживить скучный промежуток спектакля, виденный и перевиденный несколько раз присутствующими в клубе. Как только постановка подошла к роковому месту, в зале взбудоражились, зашумели, словно после спячки проснулись пчелы: «Володя, вяжи шпиона!», «За яблочко его!.. За яблочко!..»

Павлик и Володя забыли о сцене, о спектакле, в азарте увлеклись, не желая уступать друг другу, и, изрядно усталые, но довольные концовкой спектакля, под аплодисменты скрылись за кулисами, воображая себя артистами, сумевшими из ничего сделать что-то интересное, оживившее скучающий зал. Тут же появился гневный парторг (35) и грозно накинулся на переодевающихся самовольцев:

— Что вы за балаган устроили на сцене вместо спектакля?..

— А что плохого?.. Что, враг не будет сопротивляться? Ребят посмешили! Так же не бывает, что без сопротивления враг сдаётся... — потушив свою радость, отвечает Павлик.

— Да вы знаете, что комиссар дивизиона очень и очень недоволен вашей партизанщиной? — с гневом и упреком говорит парторг, ответственный за культурно-воспитательное мероприятие.

— Это все Павлик выдумал. «Давай, — говорит, — учудим на сцене, повеселим братву!»

— А ты куда же смотрел?.. Ты же по четвертому году службы (36)! Ну-у-у... Влетит вам за эту антисоветскую выходку! — пригрозил парторг, удаляясь объявлять следующий номер самодеятельности.

Как организатор культурно-массовой работы в дивизионе он переживает за свою собственную шкуру: кто-кто, а он прекрасно разбирается в политической ситуации тридцатых годов, которая сложилась в стране: абсолютно ни за что по воле сурового закона можно свою жизнь потерять или искорежить на всю жизнь.

Комиссар дивизиона (37) все время внимательно следил за каждым движением «шпиона», сидя в первом

ряду. В особом отделе дивизиона лежит заявление на Иванова как на чуждого элемента (38). А здесь, на сцене, да еще в сухопутной форме белогвардейца с погонами на плечах, настоящий шпион ему мерещился.

С этого дня Павлик приметил, что на вахту у бронекатеров его не назначают, лишь в казарме дневальным ставят. Павлик почувствовал, что над ним нависла черная туча. Но в казарме он несет службу исправно и беспрекословно подчиняется старшим по званию. Появление командиров он встречает громкой командой «Сми-р-р-ноо-о!!!», и казарма замирает, только слышны быстрые шаги дежурного старшины, бегущего по коридору отдать рапорт вошедшему командиру. Командиры, соответственно уставу, отвечают дневальному на приветствие приветствием, лишь один комиссар всегда гордо проходит мимо дневального к дежурному, не замечая Павлика, нанося горькую обиду своему подчиненному, несущему по уставу службу.

Через несколько дней после спектакля нарушителя мероприятия на сцене настойчиво пригласили на комсомольские собрание.

Собрание открыл комсорг (39).

— Товарищи! ... На повестке дня предстоит разобрать два вопроса: первый — о пребывании краснофлотца Иванова в рядах ВЛКСМ! Второй вопрос — о боевой и политической подготовке дивизиона! Какие будут предложения и добавления?..

— Утвердить повестку!..

— Утвердить!..

— Прошу для ведения собрания председателя и секретаря и для ведения протокола!

Секретарем избрали старшину мотористов Волошина из пятнадцатого бронекатера, а председателем, как и водится всегда, остался комсорг.

— По первому вопросу слово предоставляется командиру бронекатера № 25 младшему лейтенанту Абрамову (40)!

— Товарищи краснофлотцы!.. — начал командир бронекатера. — Краснофлотец Иванов напичкан антисоветскими бреднями и настроением, он недоволен всем тем, что нас окружает! Он говорит, что у нас в Советской стране нет в магазинах ни мануфактуры, ни продук-

(38) Документы, подтверждающие то, что замполит дивизиона Яценко вел наблюдение за краснофлотцем Овчаренко, собирая свидетельства его политической неблагонадежности, см. в Приложении 2 к настоящему изданию.

(39) Комсорг — сокращение от «комсомольский организатор», выборный глава комсомольской организации, в данном случае по месту службы. Комсорг и парторг вместе с замполитом (заместителем командира части по политической части) контролировали моральные и политические настроения офицеров и краснофлотцев.

(40) Абрамов С. И. — младший лейтенант, секретарь парторганизации 1-го отряда, командир бронекатера № 25, на котором служил Овчаренко.

(41) Камень-Рыболов — поселок на берегу озера Ханка, районный центр, где базировался отряд бронекатеров Амурской Краснознаменной военной флотилии.

(42) В Камень-Рыболове дислоцировалась 8-я отдельная кавалерийская дивизия.

(43) Принайтовать (морской термин) — закрепить что-либо при помощи веревки или троса.

тов питания. Он дошел до того, что даже восхваляет японских самураев...

— Такое, — вмешался комиссар, не поднимаясь с места, — о наших исконных врагах, комсомольцы, не только вслух произносить, но даже думать непозволительно!.. Продолжайте, товарищ младший лейтенант!..

—...Я как его командир предлагаю исключить его с рядов ВЛКСМ. У меня все! — и сел, устало вытирая пот с лица окаймленным белым платочком.

— Предоставляется слово Иванову! — приподнявшись, говорит комсорг. — Пусть он нам расскажет, как он дошел до такой мысли...

Огорченный Павлик встал. Ему очень обидно, что командир бронекатера спор превратил из мухи в слона. Подавляющее большинство краснофлотцев знает, что Павлик отбил у Абрамова девку в парке Камень-Рыболова (41), где свободные от вахты краснофлотцы проводят свой досуг по вечерам. Там играет духовой оркестр кавалерийской дивизии (42), и много камень-рыболовских девчат и ребят убивают там все свое свободное время. А парк совсем рядышком с пирсом, у которого принайтованы (43) бронекатера. Иванову всего двадцать второй годик, он молод и зелен, он не стремится еще ни к семейной жизни, ни к амурам, а просто от нечего делать то с одной девушкой проведет время, то с другой для разнообразия, безо всякой задней мысли. Он и не знал, что это зазнаба командира бронекатера. Командиру ведь все сорок лет, но шило в мешке не утаишь. Вся беда в том, что стали смеяться в дивизионе между собой краснофлотцы, младший комсостав и командиры. Дошел этот ехидный слух и к Абрамову, и затаил он смертельную обиду на своего подчиненного. Что ему нужно от Павлика? Ведь он женат, жена и дети находятся на базе в порту иманского дивизиона речных бронекатеров. И эта месть ох как дорого обойдется подчиненному рядовому Иванову. Но он ведь сосунок и ничего этого не подозревает, но чувствует, что над ним нависло какое-то непоправимое горе, особенно если выгонят из комсомола, и он невнятно залепетал:

— Товарищи!.. Товарищи!.. Да что же такое?.. Товарищи!.. Я об одном лишь прошу!.. Я очень прошу!.. — и сел на свое место, переживая момент.

— Что же ты просишь?.. — насмехается комиссар дивизиона.

Иванов снова поднялся.

— Не исключайте меня из комсомола! Я очень, очень прошу! Я исправлюсь! — голос у Павлика задрожал, глаза заблестели искренней слезой.

Хотя он говорит: «Я исправлюсь», но горе в том, что он не знает, как исправляться и в чем его вина. Говорил он, что в магазинах продуктов не хватает, — так это же правда. Говорил он, что кавалеристов в Камень-Рыболове плохо кормят — и это правда, ведь он сам, собственными глазами видел, как они кидаются в столовой на обедки. Ну какие же здесь вражеские действия? Не может он сообразить.

—...Я исправлюсь!.. Я исправлюсь!.. Я все!.. — окончил он тихим, беспомощным голосом и снова сел, как будто кем-то тяжело избитый.

Рядом сидят задушевные друзья, которые знают Павлика как шутника и весельчака, они уныло опустили головы, стесняясь взглянуть своему другу во влажные глаза.

— Кто желает выступить по данному вопросу?.. — нарушил воцарившуюся тишину председательствующий комсорг.

— Я хочу сказать несколько слов, — встал старшина второй статьи Храбров. — Товарищи!.. Я с Ивановым служу по третьему году службы. Я как старшина бронекатера по хозяйности могу охарактеризовать так Иванова: он отличник боевой и политической подготовки, он ведет себя хорошо и в быту. Я лично не замечал, чтоб он отнесся безалаберно к порученному ему делу. Там, где он выполняет задание, проверять нет надобности, кроме всего этого он с жадностью изучает, я бы сказал, «грызет» побочные специальности, что на бронекатере крайне важно — взаимозаменяемость! Он сегодня может полностью заменить рулевого, сигнальщика и даже моториста, и то, что всегда БЧ-2 (44) 25-го бронекатера первое в дивизионе, в этом не последняя заслуга краснофлотца Иванова...

— Вы покороче, старшина второй статьи Храбров! — перебил его дивизионный комиссар из заднего ряда. — Мы не характеристику ему стряпаем в институт благородных девиц, а ставим вопрос о пребывании его в рядах Ленинского комсомола!

Храбров полуповернулся, посмотрел внимательно комиссару в глаза и продолжил, закругляясь:

(44) БЧ — боевая часть (подразделение экипажа корабля), в данном случае артиллерийская.

(45) Рундук — ящик для хранения личных вещей на судне.

— ...Мое предложение: не исключать его с рядов ВЛКСМ, он ведь не имеет никаких взысканий и замечаний. Я предлагаю вынести ему строгий выговор с предупреждением!

— Кто еще желает высказаться по данному вопросу?

— Прошу мне слово, — поднялся наводчик Скворцов. — Мы с Павликом...

— Не с Павликом, а с Ивановым!.. Ну что это за панибратство на таком ответственном комсомольском собрании?.. — направляет комиссар Володю на официальный тон.

— ...Мы с Ивановым служим плечом к плечу, вместе в одном кубрике рядышком спим, рядышком наши рундуки (45) находятся, вместе расписаны по боевой тревоге, на берег вместе ходим с комсомольцем Ивановым, и я никогда не замечал за ним что-то такое, что компрометировало бы краснофлотскую честь и гордость... ну балагур, шутник, может подковырнуть неряху — так это же все по делу...

— Я бы сказал, товарищ Скворцов, — прервал его комиссар, — усыпив бдительность к нашим врагам, вы не заметили. Зато другие заметили и доложили в письменном виде, и мы обязаны вывести эти антисоветские выпады на чистую воду. Продолжайте, наводчик Скворцов!

— ...Я предлагаю оставить Иванова в комсомоле! Вспомните, — повернулся он к комиссару, — как месяц назад мы разбирали проступок Шалымова, как он нагло заявлял: «Можете выгнать меня из комсомола!», и его не исключили. А Иванов от всей души, со слезами на глазах просит нас оставить его в рядах Ленинского комсомола... Нет!.. И еще раз нет!!! Таких нельзя исключать!.. Он не заслужил этого... — вдруг Володя взглянул в сторону комиссара и что-то увидел в его глазах такое, что засуетился, съезжился и невнятно забормотал: «Предлагаю объявить выговор, но не исключать!» — и сел, съезжившись в комок.

— Больше нет желающих выступить по данному делу?..

«Мне дайте слово сказать!» — просит комендор с кормовой башни. «Я хочу сказать!» — тянет руку кверху командир отделения БЧ-2 Грицай. «Дайте мне слово!» — шумит старшина комендоров из 15-го бронекатера.

Соображая, что собрание отклоняется от намеченного плана, поднялся комиссар:

— Товарищи комсомольцы! Должен вам сообщить, что Матвеев, арестованный на 15-м бронекатере, которого вы, старшина, защищали, оказался врагом народа и получил по заслугам семь лет заключения! Вот вам, Разводовский, урок бдительности! Прозевали вы этого субчика! А этому... его дружку, видите ли, советская власть не по нутру!.. В магазинах ему не хватает. А что ему надо?.. Государство кормит и одевает... Шоколадов ему поднесите!.. А знаешь ты, — добывает он морально Иванова, — что один снаряд стоит столько, сколько твоя корова в колхозе? А нас окружают исконные враги... И мы обязаны неустанно крепить могущество нашего священного Отечества, ведь так и жди от презренных этих самураев, вот-вот полезут словно саранча! А он возвышает этих врагов, нашел геройство в харакири... Да вышвырнуть его немедленно из рядов Ленинского комсомола! Я кончил, товарищи комсомольцы!

— Кто еще будет говорить по этому вопросу? — обращается председательствующий.

Поднялся Гужва, комендор с 93-го бронекатера. По боевой подготовке его БЧ всегда на последнем месте в дивизионе из-за него, но он старается в иной области, даже в мертвый час умудряется зубрить политический материал, он считает его главнее боевой подготовки, задает комиссару очень легкие наивные вопросы, за что комиссар очень любит его и часто в пример остальным ставит этого тупицу. Вот и сейчас никто не додумался, а он высказал гениальную мысль:

— Я пропоную выключити його із рядів Ленінського комсомолу, а потім, як тільки він виправиться, тоді ми его знову приймемо до лав комсомолу! (46)

— Больше нет желающих выступить?.. — Воцарилась зловещая тишина. — Переходим к голосованию!..

На столе в кумачовой обложке лежит комсомольский билет. Для Иванова наступил решающий момент томительного ожидания, через несколько минут будет решен вопрос: быть или не быть Павлику комсомольцем.

— ...Голосуем! Кто за то, чтоб исключить Иванова с рядов ВЛКСМ?.. — отчеканил отдельно каждое слово комсорг и первым поднял руку.

За комсоргом поспешил Гужва, руки поднимаются еще и еще. В душе Павлика пробежала теплая искра

(46) Я предлагаю исключить его из рядов Ленинского комсомола, а потом, как только он исправится, мы снова его примем в комсомол (украинский язык, далее: укр.).

(47) Хутоу — город на китайском берегу Уссури напротив Имана, центр мощного укрепрайона. Перед войной там располагалась крупная крепость, построенная японцами в 1934—1939 гг. Лыжный кросс советских военных моряков по льду речного залива напротив Хутоу имел демонстративный характер.

надежды, что за то, чтобы оставить в комсомоле, будет больше голосов. В этот миг поднял руку комиссар, и Иванову показалось, что он взмахнул саблей; руки устремились ввысь одна за другой, образовав лесную чащу, даже старшина Храбров и задушевный друг Володя поспешили проголосовать, боясь своего запоздалого одиночества.

— ...Единогласно!.. — объявил председательствующий. — Переходим ко второму вопросу повестки дня.

— Иванов!.. Вы можете покинуть комсомольское собрание! — приподнявшись, заявил комиссар.

Павлик сидит, как закаменелая статуя, в груди образовалась какая-то снежная пустыня, по лицу катятся, поблескивая, крупные слезы. В этот миг Павлик понял, что в скором будущем его ждет какое-то суровое, непоправимое горе. Комиссар сообразил, что с этим непокорным краснофлотцем, находящимся в шоковом состоянии, невозможно нормально разговаривать, и дал команду:

— ...Продолжайте собрание!..

Что говорили на собрании, Павлик не соображал, внутри бурлила вьюга. Окунувшись в свое горе, он непрерывно горько, глубоко всхлипывал, слезы катились по бороде, залили щеки, висят на кончике носа, а Павлик стесняется поднять руку, вытереть лицо, ему кажется, если он поднимет руку, то все будут смотреть на него, и он ужасно стесняется показать свою мужскую слабость. Он все яснее осознает, что это только цветочки, а ягодки впереди. Ему так обидно за комиссара, что он при всех сравнивает его с врагами народа. Зачем же так жестоко и бессердечно оскорблять, ведь враги совсем не такие! И с комсомольского собрания выгоняет, а собрание открытое. Одно только понял Павлик — что из-за него отобрали переходящее красное знамя у 25-го бронекатера. Комиссар сказал: «По боевой и политической подготовке БЧ-2 25-го бронекатера лучшее в дивизионе за год, но ввиду такого ЧП мы не можем по политическим соображениям присудить и оставить там красное знамя!»

-----

В выходной в дивизионе организовали лыжный кросс по замерзшему заливу в сторону маньчжурского пограничного города Хутоу (47). На серебристом просторе



залива стоит полный штиль. Морозик выдался градусов тринадцать. Хорошо в такую погоду дышится чистым, ароматным воздухом. У старта стоит комиссар, окруженный командирами всех восьми бронекатеров дивизиона. Комиссар объяснил: «Кто займет первое место в кроссе, тому будет вручен здесь же приз!» — и показал перед строем лыжников разрисованную красивую фарфоровую вазу.

Павлик поставил себе цель — выложить всю силу воли, всю энергию, но приз получить, ведь его будет вручать сам комиссар. Пусть посмотрит, кого он исключил!

С самого начала старта держится в первой пятерке. Без тренировки невыносимо тяжело, дух захватывает, ноги в коленках дрожат, даже снег как-то по-особому искрится в глазах. «Ничего... — шепчет он себе под нос. — Прорвемся! Все краснофлотцы без предварительной тренировки. Жми, Павлик! Жми!» И на пятикилометровом повороте, обливаясь потом, преодолевая усталость, прибавил ходу и вырвался вперед. Никогда бы он не выдержал, но здесь особое положение, это и придает Павлику источник энергии. Хотя трудно, но с настроением скользит он. До финиша осталось километра два, и не выдержал, торжествуя, оглянулся, — но что это? Дивизионный массовик, изнемогая, скользит метрах в десяти от Павлика. Посмотрел в глаза преследователя и прочел в них что-то такое, что все оборвалось внутри: «Так вот в чем дело! Опекуна поставили!.. Следят за мной! Так вот почему меня на вахту не назначают!» Все мигом оборвалось внутри, скорость и настроение быстро угасти, и только теперь он почувствовал во всем теле ужасную усталость. Массовик поравнялся и, ничего не говоря, поплелся рядом с Павликом шаг в шаг. «Да знаете ли вы, — думает Павлик, — если бы даже под пулеметами гнали бы меня к этим ненавистным самураям, и тогда бы я выбрал бы смерть, а не измену». И на этом двухкилометровом отрезке он пропустил всех лыжников и приполз на финиш последним.

-----

Отошла зима. Еще заледенелая шуга (48) плавает в заливе, а команды бронекатеров перешли на свои бронекатера. Наступили золотые деньки навигации. Боевая

(48) Шуга — рыхлая масса мелких осколков льда, плавающая на поверхности воды.



(49) «Отличник ВМФ» — нагрудный знак, которым награждались краснофлотцы Военно-морского флота СССР за отличную боевую и политическую подготовку, отличное несение службы и примерную дисциплину.

(50) Вооруженные столкновения в районе озера Хасан на границе СССР с оккупированной японцами Маньчжурией в 1938 г. и локальный конфликт на реке Халхин-Гол на территории Монголии в 1939 г. закончились победами Красной Армии.

(51) Цитата из «Песни о Родине» («Широка страна моя родная») В. И. Лебедева-Кумача на музыку И. О. Дунаевского из фильма «Цирк» (1936).

(52) ЦК — имеется в виду Центральный комитет Коммунистической партии (ЦК ВКП(б)) — руководящий орган партии. Сталин занимал должность генерального секретаря ЦК ВКП(б).

подготовка и тревожная весна на маньчжурской границе захлестнули в свои объятия весь плавсостав. Японцы то тут, то там нарушают границу. Павлика, как перешли на бронекатера, тоже ставят на вахту, но командир бронекатера ночами приоткрывает люк и, как воришка, наблюдает за Павликом. Немножечко забыл Павлик о зимних неприятностях, иногда только засосет что-то внутри, заносит сердце от горькой обиды.

Старшина Храбров часто старается завести душевный разговор: «Что ты так приуныл? Вот осенью пошлем тебя учиться на командира отделения, ты же отличник ВМФ (49)!» Павлик отмалчивается, ведет себя в рамках устава, но на сердце какой-то тяжелый камень давит. Шутки, прибаутки исчезли из его юмористического арсенала.

-----

В СССР никто не допускал мысли, что война ворвется в страну так внезапно, так беспощадно и жестоко. Все, в том числе и «отец народов», считали что она начнется с провокаций, постепенно. Усыпленные японскими предвоенными провокациями на Хасане и Халхин-Голе (50), забыв о том, что Германия, нагло захватившая под свое иго всю Европу, это не Япония.

-----

Не знал двадцатилетний Павлик, что это всего-навсего только чудесная песня: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» (51), что в этой «свободолюбивой» стране царят невиданный произвол и насилие. В Кремле правительство, ЦК (52) подчинены только одному «отцу народов!» Этот деспот, уверовав в свою непогрешимость, отошел от ленинских принципов и норм партийной жизни, допускал вопиющий своевольный произвол. Принимал он вызванных в парадную дверь только ночью, а возвращались не все в эту парадную дверь. Русские считались старшими братьями, а все остальные национальности многонациональной великой державы — младшими. Томский, Бухарин, Раковский Христиан, Каминский, Пятниц-

кий (53) пытались помешать этому своеволию «монарха», но были уничтожены «ежовой рукавицей», а когда «ежовая рукавица» совершила свое гнусное преступление, Ежова (54) убрали. Лично «хозяин» сам назначил своего верного пса Берия (55), продолжателя геноцида в стране. Этот тип опирался на ошибочную формулировку деспота «По мере продвижения к социализму классовая борьба будет все более обостряться в СССР» (56). В стране по вине Ягоды (57), Ежова, Берии, Вышинского, Ульриха (58) создавалась тяжелая атмосфера недоверия и подозрения друг к другу в народе. Каждый обязан был как патриот доносить в органы НКВД на всех, невзирая на ранги и родство. В ином случае сам подвергался [обвинению] по той же статье через 17-ю статью Уголовного кодекса РСФСР и иных республик («соучастие, подстрекательство и пособничество»), или через статью 19-ю («покушение на какое-либо преступление»). Был бы человек, а статья найдется!

В тридцать седьмом и восьмом годах погиб от рук этих сатрапов цвет командного состава Красной Армии: маршалы Тухачевский, Блюхер, Егоров (59), сорок тысяч командного состава Армии и Флота было уничтожено без помощи Ворошилова (60). А кто пытался из чекистов возражать против этого вопиющего произвола, то и их бериевская метла подмела — тридцать тысяч за эти годы произвола. Протестуя против массовых репрессий, начальник Харьковского областного управления НКВД С. Мазо в тридцать седьмом году застрелился (61). Потомки, снимите головные уборы пред этим честным, мужественным чекистом.

Павлик, как и миллионы патриотов своей страны, свято верил в свое правительство, в товарища Сталина. Он думал, что арестовывают настоящих врагов народа, ведь клеймили позором на митингах и собраниях «изменников Родины». И чтобы Павлика арестовали как «врага народа», он и мысли не допускал, ведь он предан своей Родине до последней капли крови. Вместе со всеми своими ровесниками распевал песни: «В бой за Родину, в бой за Сталина!», «Сталин наша слава боевая, Сталин наша юность и почет, с песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет!» (62). Вместе со всеми повторял: «Сталин мудрый! Сталин наш отец!» За что же его, Павлика, арестовывать?.. Хотя уже закрадывалась мысль недоверия о «врагах наро-

вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства».

(57) Ягода Г. Г. (1891—1938) — с 1927 г. фактически возглавлял советские органы госбезопасности, занимая различные посты в этой системе. Руководил разгромом внутривластной оппозиции Сталину. Один из создателей ГУЛАГа и организаторов массового применения принудительного труда заключенных. В 1934—1936 гг. — нарком внутренних дел. Снят со всех должностей и расстрелян.

(58) Вышинский А. Я. (1883—1954) — в 1935—1939 гг. прокурор СССР, один из организаторов Большого террора и показательных политических процессов. Ульрих В. В. (1889—1951) — в 1926—1948 гг. председатель Военной коллегии Верховного суда СССР. Один из организаторов массовых репрессий.

(59) Тухачевский М. Н. (1893—1937), Блюхер В. К. (1890—1938), Егоров А. И. (1883—1939) — маршалы СССР, осужденные и расстрелянные.

(60) Ворошилов К. Е. (1881—1969) — советский партийный и военный деятель, один из вернейших сторонников Сталина, в 1934—1940 гг. — нарком обороны СССР.

(61) Мазо С. С. (1900—1937) — комиссар госбезопасности 3-го ранга, начальник УНКВД Харьковской области. Покончил с собой 4 июля 1937 г., т.е. еще до издания Оперативного приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., который послужил отправной точкой Большого террора.

(62) Припев из песни З. Л. Компанейца на слова Л. И. Ошанина «В бой за Родину» (1939) и неточная цитата из «Песни о Сталине» М. И. Блантера на слова А. А. Суркова (1938).

(53) Томский М. П. (1880—1936), Бухарин Н. И. (1888—1938), Раковский Х. Г. (1873—1941), Каминский Г. Н. (1895—1938), Пятницкий О. А. (1882—1938) — советские партийные и государственные деятели. Большинство из них были осуждены и расстреляны. Томский покончил с собой, узнав о выдвинутых против него политических обвинениях.

(54) Ежов Н. И. (1895—1940) — в 1936—1938 гг. нарком внутренних дел, организатор Большого террора. Впоследствии снят с должностей и расстрелян. В связи с его фамилией было переосмыслено выражение «взять в ежовые рукавицы», которое стало означать массовые репрессии.

(55) Берия Л. П. (1899—1953) — в 1938 г. сменил Ежова на посту наркома внутренних дел. Организатор массовых депортаций народов и послевоенной волны террора. Расстрелян после смерти Сталина.

(56) Пересказ знаменитого тезиса Сталина, высказанного в его речи «Об индустриализации и хлебной проблеме» на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г.: «По мере нашего продвижения

(63) Имеется в виду известный плакат Б. Е. Ефимова «Стальные ежовы рукавицы» (1937), на котором изображен нарком Ежов, сжимающий в руке многоголовую гидру, олицетворяющую «врагов народа».

(64) Свистун П. И. (1890—1938) — начальник строительства и первый директор Харьковского тракторного завода. 28 июля 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и в тот же день расстрелян.

(65) XVII съезд ВКП(б), названный «Съездом победителей», проходил в Москве в начале 1934 г. В годы Большого террора больше половины его делегатов были репрессированы, вследствие чего XVII съезд получил второе неофициальное название «Съезд расстрелянных».

(66) Фанза — традиционный китайский дом.

(67) Сунгача — пограничная река, разделяющая территорию Китая и СССР. Вытекает из озера Ханка. Ее продолжением является река Уссури, протекающая вблизи Имана.

да», словно мода на них пошла. В тридцать седьмом году появился плакат на заборах, стендах в городах и селах: «ежовая рукавица» давит гаденыша (63), и если раньше были загадочные ночные аресты, то теперь люди стали массами исчезать. Но об этом боялись разговаривать, опасаясь «патриотов». Ежов, а потом Берия спускали на низы план: такое-то количество «врагов народа» нужно разоблачить. Когда был арестован директор завода ХТЗ Свистун Пантелеймон Иванович (64), Павлик совсем растерялся. Ну разве же могут быть такие врагами? Он часто появлялся в ночную смену в инструментальном цехе, где Павлик работал, и интересовался: «Как дела? Не голодный ли? Как идет работа с запчастями для тракторов к весенней кампании?» Даже эмульсию проверял в станке собственной рукой. Лично руку жал семнадцатилетнему юнцу, начинающему шлифовщику. Когда арестовали Свистуна, о нем легенды передавались из уст в уста: как он помогал обездоленным рабочим, особенно многодетным женщинам. Говорили и о том, что он в знак протеста объявил голодовку в камере и умер с голоду. Рассказывали, как тяжело жене Свистуна, Марье Израилевне, и что ее забирала в тюрьму вместе с дочуркой. В самом деле это легенда об этом славном директоре завода.

Довольно позже, когда блеснет просвет свободы над территорией Руси, выяснится, что Свистун Пантелеймон Иванович был арестован 25 мая 1938 года, осужден Военной коллегией 28 мая 1938 года на десять лет строгой изоляции без права переписки. Иные сведения есть, что он расстрелян в числе партийных и хозяйственных руководителей. Он был жертвой как делегат Семнадцатого съезда (65). На съезде перед «хозяином» лежал список делегатов, и он отмечал птичкой, кого считал необходимым отправить на тот свет.

-----

Странным показался день 23 июня на маньчжурской границе: ни единого живого человека. Рыбаки, проживающие в фанзах (66) на самом берегу пограничной реки Сунгач (67), всегда ловили рыбу удочками, а некоторые даже, купаясь, доплывали к нашему берегу, но, увидев бронекатера, драпали, а в этот день как по команде куда-

то исчезли. То всегда нагло нарушали границу, а в этот день словно попрятались. Катера идут в этом загадочном затишьи, приближаясь к озеру Ханка. Только поздно ночью 24 июня по радиации из дивизиона сообщили, что началась кровавая война с немецкими захватчиками.

На бронекатерах объявили боевую тревогу и готовность номер один.

Черные свинцовые тучи заслонили голубое небо необъятной русской земли. Как саранча, как ночные гангстеры внезапно на рассвете, когда трудовая страна спала мирным сном, фашистские супостаты без объявления войны перешли советские границы и двинулись вглубь страны, бросив против малочисленных пограничных застав сто семьдесят девять до зубов вооруженных дивизий.

Бодрствуя всю ночь на своих боевых постах, внимательно всматривались в маньчжурскую непроглядную мглу, ожидая с минуты на минуту нападения японских самураев. А на том берегу, как назло, стоит загадочная тишина, лишь где-то далеко-далеко слышен тревожный лай собак да где-то совсем рядом изредка зашуршит высокая трава, нагоняя щемящую печаль в сердца краснофлотцев. Невыносимо долгой кажется ночь, мучительно длится рассвет в загадочной тишине и мгле, но вот наконец-то зябко вырисовываются контуры заставы. Там реет на здании новенькое красное знамя, а у берега в высокой зеленой траве поблескивают солдатские каски пограничных дозорных, вселяя веру морячкам, что они не одни — есть поддержка.

С рассветом катера поспешно двинулись в поход с этой извилистой речушки-ловушки Сунгач и к вечеру подошли к озеру Ханка. С повышенной бдительностью наблюдая за маньчжурской стороной, хорошенько унаитовались (68) и, ласкаемые утренней прохладой, на полном ходу подошли в белой пелене тумана к городу Камень-Рыболов.

(68) Т. е. закрепили все предметы, которые при качке могут сместиться или упасть за борт (морской термин).

жофo\$ожоожоожоожоожоожoфoож  
 ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф\$ф  
 X8X8X8X8X8X8X8X8X8X  
 ЖЖЖЖЖЖ  
 XXX

(69) Цитата из поэмы Е. А. Евтушенко «Дробичские яблоки» (1987), посвященной памяти десятков тысяч харьковских евреев, расстрелянных нацистами в Дробичском Яру в 1941—1942 гг.

(70) Политрук 1-го отряда ИОДРК П. П. Зарецкий.

(71) Неточность. По-видимому, речь идет об А. В. Опутине (1915 г.р.) — бывшем краснофлотце Амурской Краснознаменной флотилии. В его учетно-послужной карточке отмечено, что он был призван в 1937-м, служил сигнальщиком, а затем «уволен досрочно в связи с переходом на работу в НКВД 20.5.38» (РГА ВМФ. Ф. Р-417. Оп. 15. № 70. Л. 156 об.).

(72) Неточность. Командиром 1-го отряда ИОДРК в то время был старший лейтенант Загаров.

(73) Статья 58-6 УК РСФСР («Шпионаж») предусматривала наказание в диапазоне от расстрела до лишения свободы сроком не менее трех лет. В политдонесении замполита дивизиона Яценко на имя начальника отдела политической пропаганды флотилии полкового комиссара Птицына от 11 ноября 1940 г. эта история излагалась несколько иначе: «При переезде с Камень-Рыболова команды бронекатеров 15, 25 с краснофлотскими вещами шла грузовая автомашина. С этой машиной ехал лейтенант т. Кузьмин из Гидроотдела АКФ, и ему поручил старший лейтенант Загаров свой чемодан, в котором находились: а) чистые бланки со штампом ИОДРК; б) навигационное описание озера Ханка с секретным грифом; в) копия доклада старшего лейтенанта Загарова на имя командира дивизиона с описанием поведения бронекатера в штормовую погоду и режим плавания; г) полевая записная книжка с записями учений и т. д. Утерянный чемодан 4 ноября с.г. найден и доставлен в особый отдел 66 с.д. Когда докладывал старший лейтенант Загаров об утере чемодана и полевой сумки, на вопрос капитана 2-го ранга т. Гудкова, были ли там секретные документы, старший лейтенант Загаров ответил, что секретных документов не было. Капитан 2-го ранга Гудков назначил расследование по данному случаю, и будут приняты меры воздействия к виновному» (РГА ВМФ. Ф. Р-1767. Оп. 1 № 13. Л. 64 об.).

Все мы — выпавшие  
из своих колыбелей —  
в расстрел.  
Все мы — выползшие  
из-под мертвых идей  
и тел.

Е. Евтушенко (69)

29 июля выдался ясный, солнечный денек. Павлик приготовился к спуску флага, в это время и подошел к нему Володя и растерянно пробормотал: «Давай я тебя подменяю, тебя командир вызывает!» Павлик окинул взором друга с ног до головы и понял, что его не случайно снимают с вахты. Он видел, как на катер пришел штабной командир с нашивками политрука. Внутри что-то екнуло, засосало, вспомнил он зимние тревоги и переживания. Чувствуется, Володя хочет что-то сказать, но страх подавляет его желание. За Павликом еще в начале навигации приезжал следователь, но в то время еще не было войны, и никто о ней не мечтал и не догадывался. Тогда или политрук отряда (70) дал хорошую характеристику, или, возможно, командир отряда защитил его, но следователь Опутин (71) уехал. Но командира отряда старшего лейтенанта Загоруева (72) постигло непоправимое несчастье. Во время весеннего перехода по этой злополучной речушке Сунгач он развернул на комендорской башне стратегическую карту этого района, рассматривали ее вместе с политруком и командиром бронекатера Абрамовым и сопоставляли с местностью. Вдруг порывом ветра подхватило ее, и она мигом очутилась на маньчжурской стороне в двадцати метрах от берега. За это старшему лейтенанту трибунал присудил десять лет ИТЛ по статье 58-6 УК РСФСР (73). И сейчас некому защитить Павлика, да и смог ли бы он? Ведь второй месяц бушует проклятая беспощадная война (74). Павлик, бодрясь, спустился в кубрик (75) и четко доложил:

— Товарищ командир БК-25 (76), по вашему вызову краснофлотец Иванов явился!..

Командир сидит и растерянно блуждает глазами, ничего не отвечает на рапорт. А сидящий около стола

(74) В военное время применение уголовного законодательства резко ужесточилось, в особенности это касалось «контрреволюционных преступлений».

(75) Кубрик (морской термин) — жилое помещение для команды судна.

(76) БК-25 — бронекатер № 25.

береговик (77) сунул в руку Павлику бумажонку и повелительно, со знанием своего дела произнес:

— Читай!..

У Павлика в глазах букашки запрыгали, потом лезгинку заплясали фиолетовые кольца, ему не удается прочитать ни единого слова. А штабник после первой психической атаки еще сильнее ошарашил Павлика:

— Ты арестован!.. Где твоя койка?.. — и грубо вырвал бумажонку из рук. — Понятой лейтенант Бычков (78), присутствуйте при обыске!..

Командир БК-15 сидит и явно дрожит.

— Вот! — показал Павлик в открытую дверь каютки командира.

Следователь внимательно осмотрел койку, порылся под матрасом, под подушкой — все чистое, ничего лишнего. Но не это интересует опытного следователя, он настойчиво ищет что-то иное.

— Где твой рундучок?

Павлик выдвинул внизу койки набитый бельем рундучок. Зимняя одежда на хранении в Имане в дивизионной каптерке. Покопался следователь в вещах и принялся внимательно листать конспекты по боевой и политической подготовке — и, не найдя подозрительного, уныло закрыл тетради.

— ...Собирайся в путь! — Павлик стоит как заколдованный. — Ну-у-у!.. Кому говорят, собирайся!

— Я готов!

— Ты имеешь право забрать все свои личные вещи, постельную принадлежность и обмундирование.

— К чему они мне? — тихо и безразлично произнес Павлик, ошеломленный случившимся горем.

— Странный человек!.. Не к теще на блины едешь!

Взял он из рундучка белоснежную наволочку и принялся наталкивать ее вещами — переодеться на первый случай.

— ...Распорядитесь, — обратился он к командиру бронекатера, которые сидит вместе с Бычковым как оплеванный, — чтоб ему выдали двухдневный паек!

«Ага, — думает арестованный, — два дня попугают и отпустят». Он еще не верит в совершившееся, он это еще серьезно не воспринимает.

— Идем!.. — командует следователь.

(77) Береговик — моряк береговой службы (в отличие от плавсостава), в данном случае — следователь Особого отдела флотилии.

(78) Неточность. Имеется в виду лейтенант А. Бочков — командир бронекатера в составе 2-го отряда ИОДРК, кандидат в члены ВКП(б). Упоминается: РГА ВМФ. Ф. Р-1767. Оп. 1. № 16. Л. 51.



Словно во сне поплелся Павлик с бронекатера по сходне. На катере уже знают, что арестовали Павлика, но как кроты попрятались в кубрике, даже вахтенный Володя закопался подальше от трапа на баке (79). Вот и лесопарк, по которому, когда приехал первый оперативник, бегал он, высунув язык. Давали ему задание найти парторга отряда. Бегал и вернулся доложить, что парторга не нашел. Вспотевший, усталый опустил в кубрик, соображая, как же доложить, ведь по уставу не положено докладывать, что задание не выполнил. Только приложил руку к головному убору и произнес: «Товарищ командир...» — и запнулся, увидев политрука, который сидит себе спокойно в одной компании с командиром и штабным оперативником Опутиным. Озабоченное лицо Павлика мигом осенила улыбка, и он бодро доложил: «Ваше задание выполнил, парторга разыскал, он рядом с вами сидит!», и все трое улыбнулись приятной улыбкой.

— Можешь быть свободен! — ответил тогда командир.

После Павлик часто думал: с какой же целью его гоняли по лесопарку, а в разных уголках за кустами, как замаскированные, сидели — в одном месте старшина мотористов Макаров с 25-го бронекатера, а в ином Волошин с бронекатера Бычкова, в то время как парк был абсолютно пустой, и притом везде сыро на скамейках сидеть. Возможно, проверяли четкость выполнения приказа, а может быть, секретный обыск делали в вещах — для Павлика это осталось загадкой. Оглянулся Павлик на бронекатер и подумал: «А-а-а!!! Авось прорвемся! Выяснят и отпустят. Я не преступник какой-то!..»

-----

В Камень-Рыболове расположена кавалерийская дивизия, здесь при штабе особый отдел, сюда и привел следователь Иванова. Несмотря на разный род войск, армейские и флотские оперативники быстро нашли общий язык и безо всякой волокиты уступили флотскому следователю кабинет.

— Ложи свои вещи! — усевшись за столом, командует следователь. — А сам подседай поближе.

Развернул следователь свою папку и углубился что-то писать. Павлик на обложке папки успел прочесть: «Дело» и еще прочел: «Следователь политрук Сиренко» (80). Мучительно долго проходят минуты томительно-го ожидания чего-то неизвестного. Наконец следователь оторвался от писанины, посмотрел в упор какими-то противными глазами и прорычал:

— Ты контра!.. Ясно тебе?

Стоградусным морозом жигануло (81) Павлика. Внутри что-то оборвалось, в голове зашумело, загудело, мысли заработали с космической скоростью, путая друг друга. После томительного ожидания он ждал вопросов, выяснения, а следователь так бессердечно ошарашил, что у Павлика в глазах чертики забегали. «Какой же я контра?.. Какой я же контра?..» — повторяет он про себя. Он ждет, что следователь скажет: «Ну, пошутил, попугал и достаточно!», а следователь сидит, злорадно глумится, довольный, что довел до отупения своего подопытного кролика. «Как же так? Как же так?.. Родился при советской власти, учился в советской школе, готов жизнь отдать за Родину — и вдруг! Ах, горе, горе!.. Контра... Нет, нет!.. Это ошибка!.. Опомнитесь!.. Это роковая ошибка!..»

Это противное слово так притеснило, что даже морская форма принялась бессердечно сжимать и давить. «Хоть бы сняли с меня эту форму, чтоб не позорить своих братишек морского флота. О-о-о, позор, позор!..» И вообразил Павлик стаю гусей, улетающих в теплые края, парящих высоко-высоко у самих ватных облаков, но одного гуся зацепила охотничья дробина и он, падая, отстает от стаи, и, замечтавшись, Павлик простонал: «О-о-о... братишки-морячки!..»

— Что ты там колдуешь? — прервал горькие обрывистые раздумья подследственного. — Во время политбеседы, когда командир бронекатера младший лейтенант Абрамов читал вам книги о легендарном герое Гражданской войны Чапаеве, о его мужестве и бесстрашии, ты сравнивал его с японскими самураями?..

— Я ведь только сказал, что каждая страна имеет своих героев, и что самураи в плен не сдаются, а делают самоубийство путем вспарывания живота, харакири по-ихнему называется. Нам об этом сам командир дивизиона рассказывал.

(80) Сиренко Г. Г. (1915 г. р.) — следователь Особого отдела Амурской Краснознаменной флотилии, по-видимому, бывший краснофлотец Амурской Краснознаменной флотилии, призванный в 1936 г. и служивший в должности старшего писаря. В его учетно-послужной карточке отмечено: «исключается с учета АКФ в связи с переходом в Особый отдел НКВД АКФ 7.09.40» (РГА ВМФ. Ф. Р-417. Оп. 15. № 88. Л. 153 об.).

(81) Т. е. обожгло.



— Значит, восхвалял японскую армию? Так и запишем!

— Да нет, товарищ сле-до-ва-а...

— Молчать!.. — бешено ударил по столу кулаком следователь с такой силой, что пузатая ручка скатилась со стола и запрыгала на полу. Даже накатная промокашка закачалась, как детские двухместные качели. А следователь схватил пистолет, который лежал рядом с папкой, и замахал им, пугая Павлика. «Я тебе не товарищ!.. Колхозные свиньи тебе товарищи!.. — выпучив глаза, рычит он. — Я тебе гра-ж-да-нин сле-до-ва-тель, а не панибрат какой-то! Ясно те-бе?..»

Павлик сжал зубы так, что они заскрипели, и застыл как статуя.

— ...Я спрашиваю тебя!.. Понятно тебе или нет?.. — Павлик молчит. — Да ты что?.. Вздумал номера мне выбрасывать? А-а-а!.. Застрелю как последнего гада!.. — направил он дуло пистолета на Павлика.

— Стре-ляй!.. — процедил подследственный сквозь зубы единственное слово и вновь выпятил застывшие скулы.

Следователь сообразил, что угрозами не запугаешь. Посидел, что-то молча соображая, встал, подошел, достал из кармана пачку «Казбека» (82), открыл ее и сует Павлику:

— Давай покурим! Брось сердиться! Ну погорячился!

Павлик вяло, но с каким-то огоньком в глазах посмотрел на папиросы, как будто он долго-долго спал и вот проснулся и ничего не поймет спросонья. Минуту назад перед ним находился хищный зверь, а сейчас совсем приятный тридцатилетний мужчина стоит рядом с Павликом. Как во сне взял он папиросы и прикурил от догорающей спички следователя. А он, садясь на свое место, отодвинул пистолет подальше от себя — смотри, мол, какой я добрый с тобой. Посмотрел внимательно Павлик на пистолет, и снова зубы сцепились: «Так вот какой ты добрый?.. Незаряженным пугаешь?.. А теперь подсовываешь? Думаешь, схвачу? На провокацию провоцируешь? Не на того попал! Не спровоцируешь! Я не виноват ни в чем! Выяснишь — отпустишь!» Посидели молча. Камень, давивший грудь, куда-то исчез. Приветливым душевным